

Надель-Червиньска М.
Катовице, Польша

**ЖАРГОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
СОВРЕМЕННОГО «НОВОЯЗА»:
ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ
ИЛИ УГОЛОВНОЙ ПСИХОЛОГИИ?**

УДК 81'271.2

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Аннотация. Состав жаргонной лексики в современных словарях русского языка неоднороден. Эта лексика попадает сегодня как инородный элемент практически во все языковые стили, активна в речи устной и письменной. И это одна из особенностей постсоветского «новояза». В статье приведены примеры отражения в словарях лексем разных жаргонов – профессиональных, тюремно-лагерного, субкультур молодежи, наркоманов и др. Особое внимание уделяется лексикону военных и администрации зон заключения, создающих в настоящее время множество новых аббревиаций.

В статье представлена проблема русских жаргонов в их историческом развитии. Рассмотрены психологические аспекты активности в современном языке лексических средств уголовного языка. Это явление рассматривается также с точки зрения развития в СССР, при тоталитарном режиме, уголовной психологии у определенной части населения страны. Подробно рассмотрены среды, наиболее предрасположенные к активизации жаргонных языковых явлений. Затронута также проблема резкого снижения культуры речи в массовой культуре и повседневном общении.

Ключевые слова: новояз, русские жаргоны, уголовная психология, тюремная зона, армия и аббревиация, маргинальные явления в языке, культура речи и фонды словарей.

Сведения об авторе: Надель-Червиньска, Маргарита

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Силезский университет, Институт восточнославянской филологии, кафедра русского языка.

Должность: доцент

Контактная информация: ul.Zytmia, 12. 41-205, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czervinski@ares.fils.us.sdu.pl

Nadel-Chervinska Margarita
Katowice, Poland

**JARGON ELEMENTS
OF MODERN «NEWSPEAK»:
SPEECH CULTURE
OR CRIMINAL PSYCHOLOGY?**

Abstract. The composition of jargon vocabulary in modern Russian language dictionaries is heterogeneous. This language falls today as the foreign element in almost every language styles, is active in speech, oral and written. And this is one of the features of the post-Soviet «newspeak». The article gives examples of the reflection in dictionaries of lexemes of different jargons – professional, prison-camp, youth subcultures, drug addicts and others. Particular emphasis is placed on military vocabulary and the administration of detention areas, creating the current plethora of new abbreviation.

The article presents the problem of Russian jargon in their historical development. We consider the psychological aspects of activity in the modern language lexical means of criminal language. This phenomenon is also seen in terms of development in the Soviet Union, under the totalitarian regime, criminal psychology at certain parts of the country. In details there are considered the environments, the most inclined to revitalize of jargon linguistic phenomena. There are touched also the problems of a sharp slowing down of the speech culture in mass culture and everyday communication.

Key words: newspeak, Russian slang, criminal psychology, the prison area, the army and abbreviation, marginal phenomenon in language, culture and language dictionaries funds.

About the author: Nadel-Chervinska, Margarita
Academic degree, academic status: candidate of filological sciences, associate professor

Place of employment: University of Silesia, Institute of East Philology, Chair of Russian Language

Position: associate professor

Современные словари русского языка, опубликованные в России постсоветского периода, сегодня активно включают в свой состав новые единицы жаргонной лексики и потому обходиться вниманием этот процесс стало, пожалуй, уже невозможно. Русскоязычный жаргонный фонд, до недавнего времени остававшийся за пределами нормативных языковых словарей, интенсивно пополняет издания, в которые он лет десять-пятнадцать назад просто не был бы допущен лингвистами-составителями. При этом, вместо ожидаемых при таких единицах помет, указывающих на происхождение каждой из них и узусного контекста ее заимствования, приходится сталкиваться с уклончивой и, на наш взгляд,

безответственной пометой «общеупотребительное» либо с весьма неопределенным и расплывчатым терминологическим монстром «общеупотребительный жаргон». И поскольку само употребление субъектом речи того или иного жаргона является маркером принадлежности его (субъекта) к маргинальной субкультуре, то, тем самым, все носители русского языка в стране как бы попадают потенциально в круг такой маргинальности, с чем вряд ли можно было бы согласиться.

Однако и состав жаргонной лексики, описываемой толковыми словарями, весьма пестр, неоднороден, и не одна она определяет сегодня относительную «новизну» справочных лингвистических

тических изданий. Относительную постольку, поскольку новым является лишь фиксирование такими изданиями, что еще недавно было невозможным, определенного фонда лексем, хорошо знакомых русскоязычной среде. Так, можно определить следующие источники пополнения фондов «новой лексики» – источники, наиболее актуальные, на наш взгляд, для современных толковых словарей русского языка:

1) многочисленные *языковые единицы*, в том или ином плане *не соответствовавшие литературным нормам*, т. е. признанным и описанным в «Академической грамматике» нормам русского литературного языка, а потому ранее в нормативные словари не включенные;

2) теоретически знакомая носителям русского языка *лексика, подвергавшаяся раньше идеологической цензуре* разного типа, а также имеющая при этом развитую словообразовательную систему, не зафиксированную нормативными словарями в советский период развития российской лексикографии;

3) *языковые единицы иноязычного заимствования*, заимствованные в силу актуальной для современного развития государства и общества тематики и обладающие тенденцией к последующему производному словообразованию;

4) *лексемы-производные от трех, названных первыми в этом ряду, разрядов лексических единиц*, актуальные в контексте современной языковой словообразовательной деривации (при этом это языковые единицы как вновь заимствованные, так и уже в речи освоенные, наравне с исконно русскими).

Естественно, что актуализация именно этих источников для пополнения русскоязычных словарей в постсоветский период развития российской лексикографии имеет свои естественные причины. Это объясняется, с одной стороны, резкой сменой в 80-х годах политического и экономического курса государства, с другой же, относительной свободой печати, поскольку именно она стала первым более-менее серьезным завоеванием постсоветской эпохи. Тем самым «свобода слова», провозглашенная в период горбачевской *перестройки*¹, довольно скоро обернулась, что весьма печально, для российской лексикологии полным отсутствием нормативного контроля, а для говорящих на русском языке внутри страны – отказом от соблюдения чистоты литературного языка, т. е. собственно какой-либо *языковой нормы*. Демонстративность такого отказа была мотивирована иллюзией «вседозволенности» и стало, пожалуй, одним из следствий отсутствия элементарной культуры

демократических преобразований – культуры, которой не было и не могло быть в недемократической тоталитарной России.

В то же время, для очередной волны так называемого «новояза», на сей раз постсоветского, а не советского, наряду с неожиданно обретенной в печатных изданиях свободой самовыражения мыслей, эмоций, чувств и даже критических суждений по поводу того, что всех много лет окружало, стала характерна некая «раскованность» речи, также нередко демонстративная и граничащая с «развязностью». Вывод был прост: если говорить можно все, что хочешь, в том числе и о том, о чем раньше говорить было запрещено, то и говорить можно теперь так как хочешь, не стесняясь в словах, средствах выражения и проч. А то, что накопилось в русских душах за десятилетия молчаливой покорности, требовало экспрессии и слов, не укладывавшихся в привычное понимание нормы русского литературного языка.

Но в этом таилась определенная опасность: поток всевозможных проявлений живого просторечия, доселе не описанного и не изученного, бесконтрольно вырвался на просторы газет и журналов, захлестнул политические трибуны, телевизионные экраны, радиорепродукторы, наводнил книжные страницы и кинопродукцию. По существу, язык улицы, шумно врываясь в тишь да гладь привычной гражданской пассивности, агрессивно отвоевывал себе право на существование и, надо признать, что отвоевал...

Жаргонные слова в общеупотребительной речи

Лексемы-жаргонизмы, с новым для них статусом «новые слова», из лексикона маргинальных сред все чаще переходят в речь общеупотребительную. А из словарей жаргонов они постепенно «перебираются» в солидные справочные издания русского языка. И, продвигаясь в сферы лексики общеупотребительной, эти жаргонизмы, по дороге как бы теряют свою не нейтральную окраску: теперь как бы примелькались в речи, побледнели, стерлись и, как результат, не удостоились даже какой бы то ни было словарной пометы, кроме разве что «разговорно-сниженное», семантически безликое в случае слов-жаргонизмов. Таким образом, в современных словарях непоследовательно и скупо, но все же представлены следующие разновидности русскоязычных жаргонов:

1) тюремно-лагерный жаргон тоталитарной России (сталинского и постсталинского периодов);

2) профессиональные жаргоны разных социальных групп (музыкантов, политиков, военных, предпринимателей, учителей, инженеров-информатиков, журналистов и других);

3) молодежный жаргон (школьников, студентов, неформальных группировок, наркоманов);

4) административно-партийный жаргон (как советский, так и постсоветский, хотя последний

¹ *Перестройка* – вот еще одно «новое слово», претендовавшее новым своим значением на статус *неологизма*, в контексте новых фразем, типа многообещающей – *ветер перемен* или снисходительной – *дядя Миша*, как величали в просторечии самого последнего Генсека КПСС и, одновременно, первого и последнего президента СССР.

словари отражают весьма фрагментарно, чаще всего на уровне *фразем*);

5) жаргонные элементы, освоенные просторечием (однако этот факт не оправдывает – что еще раз подчеркнем – попытку введения в русскую лексикографию термина «общий жаргон», в разряд единиц которого составители словарей обычно включают лексические единицы самых разных жаргонов).

Приведем ниже для иллюстрации по два-три примера на каждый случай – из тех языковых единиц просторечия, которые ошибочно можно посчитать за лексемы так называемого «общего жаргона»:

1) *выступать* в чем-л. или где-л.; *фраер*; *крутануть* кого; *замочить* кого; *увести из-под носа* что-л. у кого-л.; *заставить землю жрать*, или *пыль глотать, слизывать*;

2) *(с)лабать* что (муз.); *сделать прозрачным* что (полит.; калька с англ.); *стоять по стойке смирно* (воен.); *отмывка денег* (фин.); *наехать* на кого; а также *гонять товар* и *быть челноком* (бизн.); *черный нал* (наличные); *теневая экономика* (полит., экон.);

3) *тусоваться* где или с кем; *тащиться* на что или от кого; *(большой) умат* с чего-л.; *пристебаться* куда или к кому; *прикинуться шлангом*; *стёб* и *стебать(ся)*;

4) *вызвать на ковёр* кого и за что; *поставить раком* кого; *заставить* кого кому-л. или себе (говорящему) *жопу лизать*; *придавить к ногтю* кого;

5) *челнок*; *буратин(к)о* и *папа Карла*; *зайчик*; *тёлка*; *скотобаза*; *втык*; *прочистить* или *вправить мозги* кому; *утечка мозгов* и *разбазирование мозгов*.

Здесь подробнее остановимся на тех жаргонизмах, которые принимают сегодня в разговорную речь и там остаются, меняя при этом экспрессивную, а подчас и стилистическую окраску. Именно такими лексемами, воспринимаемыми составителями словарей и, отчасти, носителями языка как «новые», пестрят в два последних десятилетия лингвистические справочники. Примерами жаргонизмов, активно освоенных русским просторечием как единицы общеупотребительные и включаемых в словари как «новая лексика», могут служить следующие лексикографические статьи, в современных лингвистических словарях также весьма многочисленные:

Тюкнуть, сов. перех. разг.-сниж. То же, что: *убить*. [НСРЯ²] (Заимствовано из уголовного жаргона.)

Жевачка, -и, ж. разг. Жевательная резинка. *Купить жевачку*. [СТСРЯ³] (Заимствовано из школьного жаргона.)

Квиртанутый, -ого, м. шутол.-ирон., арм., курс. Курсант Киевского высшего инженерного

училища (КВИРТУ). [ТСМС; БСРЖ⁴] (Заимствовано из лексикона инженерно-технических работников советского периода.)

КПЗ [ка-пэ-зэ], неизм.; ж. Камера предварительного заключения; место, куда помещают арестованных сразу после задержания. [СТСРЯ] (Заимствовано из жаргона работников правоохранительных и карательных органов.)

КПП [ка-пэ-пэ], неизм.; м. Контрольно-пропускной пункт. [СТСРЯ] (Заимствовано из армейского жаргона и лексикона работников правоохранительных органов.)

Кидала, -ы; м. и ж. жарг. Тот, кто занимается мошенничеством, обманом. [СТСРЯ] <-- Заимствовано из уголовного жаргона, от *Кидать*, -аю, -аешь, несов. Обманывать кого-л., мошенничать при совершении коммерческих операций [ТСМС]; 1. Обкрадывать, грабить кого-л. 2. Обманывать, надувать кого-л. [ТСНЛРЯ⁵]; кого. Обворовывать путем обмана, грабить кого-л. [ТСУЖ⁶].

Лажа, -и; ж. жарг. Обман, подделка. // Вздор, ерунда (1). [СТСРЯ] (Заимствовано из лагерного жаргона.) Смотри и ср.: *Лажа* - 1. Сочувствие. 2. Обман. 3. Позор. 4. Поблажка, снисхождение. 5. Чушь ерунда. *Лажу гнать* - то же, что *лажать*. <-- *Лажать* или *лашать* - 1. Лгать, обманывать. [Собственно лагерно-уголовный жаргон.] 2. Фальшивить (при пении, игре на музыкальном инструменте). [Из жаргона музыкантов; заимствовано из лексикона наркоманов.] [СТЛБЖ; МС⁷]

Лагерник, -а; м. разг. Тот, кто находится, содержится в лагере (3). <-- *Лагерница*, -ы; ж. <-- *Лагерь*, -я; мн. *лагери* и *лагеря*; м. [нем. Lager]. ... 3. Место, где содержатся заключенные, военнопленные. *Исправительно-трудовой л. Концентрационный л.* [СТСРЯ]

Левачество, -а; ср неодобр. Система взглядов и действий, характерных для *левака*. <-- *Леваческий*, -я, -ое. <-- *Левацкий*, -ая, -ое; разг. Имеющий левый (2) уклон. *Л. взгляды*. <-- *Левак*, -а; м. 1. пренебр. [СТСРЯ] (Заимствовано из жаргона советской номенклатуры, который можно также охарактеризовать как *номенклатурная «феня»*⁸, либо *жаргон партийно-административный*.)

⁴ Никитина Т. Г. Толковый словарь. Молодежный сленг. – М., 2003; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2000.

⁵ Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. – М., 2003.

⁶ Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общей ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. – М., 1991.

⁷ Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Юсупов. – М., 1992; Никитина Т. Г. Там же.

⁸ Термин наш; впервые был использован в монографии: Надель-Червинская М., Червинская А. Номенклатура и феня. Уголовно-партийный жаргон как коммуникативная форма «советской зоны» // Slavica Electronica Erfordensis. – Erfurt Electronic Studies in Slavonic Languages. 1999 (1) – Erfurt (<http://www.slavica.ph-erfurt.de>). – 155 с.

² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Т. 1-2. – М., 2000.

³ Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2003.

Крэйзи [рэ] и *крези* [ре], неизм. [англ. crazy], жарг. Сумасшедший, психически ненормальный человек. [ТСРЯ] (Заимствовано из молодежного жаргона, заимствовано из жаргона наркоманов.) [МС; ТМС]

Наивняк, м. прост. Очень наивный, доверчивый человек. (Заимствовано из молодежного жаргона, заимствовано из жаргона наркоманов.) [ТСРЯ; ТСНЛРЯ]

Как видно даже на этих немногих примерах, состав жаргонизмов в толковых словарях последних лет весьма разнороден и по своему происхождению, и по характеру бытования. Следует обратить внимание и на тот факт, что определенная часть жаргонизмов, притом немалая, постепенно переходит на уровень лексики общепотребительной, не переставая при этом оставаться жаргонной по своему происхождению. Поэтому проникновение подобных лексем в стилистически разные речевые контексты объясняется не только и не столько смешением стилей, свойственным современному русскому языку особенно, сколько маргинальностью речевых сред, которые еще несколько десятков лет назад не соприкасались или же почти не соприкасались.

Взаимопроникновение лексических единиц пограничных речевых сфер и создает сегодня феномен стилистических смещений и семантических расширений. Именно эти процессы наиболее продуктивны в контексте созидания в русском языке активного слоя так называемой «новой лексики»: старое и уже знакомое, претерпевая некоторые семантические изменения, кажется уже новым. И таких малоприметных метаморфоз в языке и особенно в его просторечных проявлениях сегодня гораздо больше, чем показалось бы на первый взгляд.

Отражение в словарях новых аббревиатур

Подобным включением «новой лексики» в словники является и обилие *аббревиатур*, ранее в словари русского языка не включавшиеся из идеологических соображений, поскольку эти аббревиации были характерные, прежде всего, для тоталитарной действительности и потому не желательны для огласки как элементы русскоязычной – советской – картины мира. Надо отметить, что к аббревиатурам советского периода и производным от них лексемам добавляются в настоящее время весьма многочисленные новообразования постсоветского периода, которые и можно рассматривать как собственно «постсоветский новояз», в одном из его наиболее ярких проявлений. Однако в словарных фондах такие лексические единицы появляются спонтанно, нерегулярно, субъективно избирательно:

МРОТ – сокр. Минимальный размер оплаты труда. [ТСРЯ-XX⁹]

НПРС – сокр. Народно-патриотический союз России. [ТСРЯ-XX]

НПФ – сокр. Негосударственные пенсионные фонды. [ТСРЯ-XX]

ОВИР – сокр. Отдел виз и регистрации. [ТСРЯ-XX]

БОМЖ – сокр. Без определенного места жительства. [ТСРЯ-XX]

ЕХБ – Евангельские христиане-баптисты. [ТСРЯ-XX]

ФСБ [эф-эс-бэ и фэ-эс-из], неизм.; м. Федеральная служба безопасности. [ТСРЯ]

В том же, последнем из упомянутых, словаре¹⁰ мы находим такие лексемы-аббревиатуры, которые в других лингвистических справочных изданиях вообще отсутствуют. Приведем несколько таких примеров:

1) *втуз* (высшее техническое учебное заведение, уже устаревшее);

2) *ВТЭК* (Врачебно-трудовая экспертная комиссия, в словарях не отражавшееся);

3) *ГИБДД* (Государственная инспекция безопасности дорожного движения, новое; однако чаще известное как *БД* [бэ-дэ], безопасность дороги, современными словарями, однако не отражаемое).

К слову сказать, последнее, и именно *БД*, в передачах российского телевидения регулярно выступает в устойчивой фразе *отчетность по БД*, что звучит довольно комично, поскольку в русский словарный фонд уже вошла заимствованная лексема *бидэ*, в просторечном произношении оказывающееся к *БД* омофоном:

14) *Биде* [фр. bidet], раковина для подмывания. [НСИСиВ¹¹]

В то же время *ГО* [гэ-о], известная раньше носителю русского языка как *гражданская оборона*, теперь в том же словаре [ТСРЯ] обратилась в новую лексему, с совершенно иной семантикой:

5) *ГО* [го], ж. неизм., Игра черными и белыми фишками (камнями) на квадратной доске, пересеченной горизонтальными и вертикальными линиями в 361 точке.

6) Точно так же, как *ВТО*, некогда известное носителю языка как *Всесоюзное театральное общество* [БСЭ], теперь понимается в речевом контексте российских телепередач исключительно как *Всемирное торговое общество*. Кстати, ни первое, ни второе значение аббревиатуры *ВТО* анализируемыми здесь словарями, как оказалось, не зафиксировано.

Надо отметить, что аббревиатуры в новейших словарях русского языка встречаются крайне редко. Во всяком случае, в нормативных словарях советского периода, и особенно в словарях, регулярно издаваемых «Военной книгой»,

⁹ Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2003.

¹¹ Новейший словарь иностранных слов и выражений. Справочное издание. – М - Минск, 2002. (Без составителя.)

⁹ Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. – СПб., 1998.

они встречались гораздо чаще. Как ни странно, нечасто встретишь их теперь даже в таких словарях, как «Словарь языка Совдепии» [ТСЯС¹²] и «Словарь перестройки» [СП¹³].

Наибольшее число таких лексем в настоящее время встречается в «Русском семантическом словаре» [РСС¹⁴], если, конечно, не брать во внимание «словари тюремно-лагерного жаргона», о которых будет сказано ниже. В «семантическом словаре», в частности, находим употребительные единицы языка, которые в других изданиях почему-то отсутствуют, а именно:

7) ООН (Организация Объединенных Наций);

8) ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры);

9) МПС (министерство путей сообщения);

10) МВД (министерство внутренних дел);

11) МИД (министерство иностранных дел);

12) НТП (научно-технический прогресс) [РСС].

Здесь же, в [РСС], появляется, к примеру, сравнительно новая для русского уха аббревиатура:

13) МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии).

Наряду с ними в «Семантическом словаре» Н. Шведовой мы находим довольно много сложносокращенных слов, хорошо известных носителям русского языка, более того – в разговорной и книжной речи регулярно употребляемых. Однако, по идеологическим соображениям, в словники до недавнего времени такие лексемы не попадали, поскольку они являются отражением картины мира *тоталитарного государства*, сталинской и постсталинской эпох. Вот примеры таких специфических языковых единиц:

14) *Торгпред*, -а, м. Сокращение: торговый представитель – глава *торгпредства*, государственного органа, представляющего за рубежом права соответствующего государства в области внешнеэкономической деятельности. // прил. *торгпредовский*, -ая, -ое (разг.). [РСС]

15) *Гаишник*, -а, м. (разг.) Сотрудник ГАИ – Государственной автомобильной инспекции. // прил. *гаишнический*, -ая, -ое. [РСС] (Прилагательное словообразование мы бы отнесли к *неологизмам* либо к *московскому городскому аргю*, поскольку многие годы в русской речи была употребительной форма *гаишный*, -ая, -ое.)

16) *Гэпзушник*, -а, м. (разг.) Служащий ГПУ – Государственного политического управления (в РСФСР в 1922-1923 годах). [РСС]

17) *Кагэбэшник*, -а, м. и *кэзэбэшник*, -а, м. (разг.) Служащий КГБ – Комитета государственной безопасности.

18) *Оперуполномоченный*, -ого, м. Сокращение: оперативный уполномоченный – то же, что *оперативник*. // ж. *Оперуполномоченная*, -ой. [РСС]

19) *Сексот*, -а, м. (разг.) Сокращение: секретный сотрудник – лицо, осуществляющее тайное наблюдение за кем-н. по заданию специальных органов. // ж. *сексотка*, -и, род. мн. -ток. // прил. *сексотовский*, -ая, -ое. [РСС]

20) *Цэрэушник*, -а, м. (разг.) Служащий ЦРУ – Центрального разведывательного управления США. [РСС]

21) *Чекист*, -а, м. Сотрудник Чека (в России с 1917 по 1922 год: Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем), а также (разг.) в СССР – вообще работник органов государственной безопасности. *Старый чекист*. // ж. *чекистка*, -и, род. мн. -ток. // прил. *чекистский*, -ая, -ое. [РСС] (Кстати сказать, правильно эта комиссия называлась ВЧК или сокращенно – ЧК, что семантический словарь почему-то не отражает.)

22) *Эмвэдэшник*, -а, м. (разг.) Служащий Министерства внутренних дел¹⁵. [РСС]

Здесь, пожалуй, следует оговорить, что приведенные в пример лексические единицы не произвольная выборка из материалов словаря, а лексемы, расположенные на страницах 254-256. На этих же двух страницах находятся также другие *сложносокращенные слова*, условно относящихся к тому же разряду лексем, что и *аббревиатуры*, в том числе и другого типа словообразования: *дипкурьер*, *полпред*, *пресс-аташе*, *горноспасатель*, *контрразведчик*, а также *вице-консул* и *оперативник*. [РСС]

Однако особое место в языке занимают аббревиатуры, созданные тоталитарным государством в системе *карательных органов* и подвластных им *лагерей*. Поскольку эта лексика долгое время находилась за пределами не только словарей русского языка, но и за пределами общего речевого словоупотребления, то теперь она представляется для нас условно «новой» и в большей части своей неожиданной, ведь раньше она считалась как бы «табу», была в обиходе только для *внутреннего пользования*: внутри *органов* (*правоохранения* и *госбезопасности*, для сотрудников их), а также внутри *тюрем*, *лагерей* (для заключенных). Такие языковые единицы и будут предметом нашего дальнейшего анализа и описания.

Аббревиатуры в лагерной жизни

Обратим внимание сразу на то, что наиболее последовательно и полно, во всяком случае, для той специфической области русского языка, которую они описывают своими лексемными

¹² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998.

¹³ Максимов В. И. Словарь перестройки. – СПб., 1992.

¹⁴ Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1-2. – М., 1998.

¹⁵ Служащий МВД. Данная дефиниция сформулирована в словаре иначе, чем аналогичные.

фондами, приводят аббревиатурные и иные сложносокращенные образования *словари уголовного и тюремно-лагерного жаргонов*. Впрочем, с нашей точки зрения, это в настоящее время один и тот же жаргон, с той только разницей, что первое понятие, «уголовный», по сравнению со вторым, «тюремно-лагерный», значительно уже, поскольку объем второго включает в себя также объем первого.

В то же самое время первый из названных жаргонов – это лишь лексикон представителей преступного мира, в то время, как второй является лексиконом и всех подследственных, заключенных, и всех работников карательных органов: от лица, возглавляющего пирамиду *госбезопасности* (государственной безопасности) до последнего тюремщика или лагерного работника *ВОХРа* (ведомственной охраны). И если, по определению С. Снегова [ЯКН¹⁶], это – «язык, который ненавидит», то это язык также и тех, кто пережил репрессии, и семей тех, кто не вернулся из сталинских лагерей, и не только этих людей – поскольку это лексикон, составляющий органическую часть собственно *языка тоталитаризма* [ТЯ¹⁷], или *языка тоталитарного государства*.

Причем этот язык отражает уголовную психологию не только отдельных лиц (воров, бандитов, рецидивистов, а также представителей милиции, ведомственной и тюремно-лагерной охраны, т. е. людей, непосредственно вращающихся, по долгу службы, в криминогенной среде), но язык этот является также отражением уголовной психологии целого государства, превращенного в *зону заключения*, или, как она еще называется в жаргоне, «большую зону», «паханом» которой был И. Сталин. Язык этот является неотъемлемой частью языка тоталитарного государства, породившего *красный террор и систему лагерей* (ГУЛаг), поставившие значительную часть населения в положение «уголовных преступников», каковыми считались *враги народа*, и «заключенных» (ЗК, зэк, зек). Это язык, будучи порождением официальной политики и официальных государственных структур, правоохранительных и карательных, в результате как бы получил статус проявления тоталитарной государственности, в ее правоохранительном и административно-партийном узусных контекстах.

Неудивительно, что страна, породившая, насадившая и более полувека культивировавшая такими средствами уголовную психологию масс, как бы пропиталась за эти десятилетия «ароматом» так называемого *блатного языка*. Отсидевшие свои сроки в лагерях вернулись домой уже как носители уголовного жаргона и в большинстве случаев, к сожалению, как носите-

ли уголовной психологии, насильственно привитой им в лагерях. Опыт отцов передается, как водится, детям, а выразить его можно только знаковой системой тюремно-лагерного бытия и на языке этой маргинальной среды. Именно поэтому подобная лексика настолько активна, выразительна и живуча. Одновременно с тем эта лексика разъедает литературный русский язык изнутри, как раковая опухоль: многолетняя и последовательная деструкция человеческой личности в СССР неизбежно ведет к разложению и нивелированию языковой культуры, с ее академическими нормами, правилами хорошего тона, шкалой общечеловеческих ценностей и многовековым литературным наследием. Печальные приметы этой общезыковой тенденции мы, если приглядеться, обнаруживаем и в новейших словарях русского языка.

Итак, в заключение приведем некоторые из огромного числа сталинистских аббревиатурных образований, фиксируемых *словарями тюремно-лагерного жаргона* и которые мы, в частности, находим у Ж. Росси, ставшего после многолетней *отсидки* в сталинском ГУЛАГе (Главное управление лагерей) носителем также и русского языка:

1) АСА – антисоветская агитация; см. *буквы*, 1. Формулировка, кот. Первоначально употреблялась параллельно с *КРА*, но к концу 30-х годов почти вытеснила эту последнюю. – *КРА* – контрреволюционная агитация. [СпГУЛАГ¹⁸] (Кодированная пометка на *личном деле* заключенного.)

2) АСВЗ – антисоветский военный заговор; см. *буквы*, 2. Формулировка, применявшаяся особенно часто в 1937-38 годах. [СпГУЛАГ] (Кодированная пометка на *личном деле* заключенного.)

3) АСЭ – антисоветский элемент; см. *буквы* (3). [СпГУЛАГ] (Кодированная пометка на *личном деле* заключенного.)

4) АТП или *а. т. п.* – адмтехперсонал, административно-технический персонал. К этой категории относятся: акушерка (см. *дети*, 1); диспетчер; зав. баней, аптекой, кухней, пошивочной или сапожной мастерской и т.п.; инспектор *КВЧ*, *санчасти* и т.п. Паек АТП ниже ИТР, но лучше *м.о.п.* Благодаря близости к начальству, некоторым работника этой категории удается получить паек ИТР. У многих блат на кухне (см. *придурок*, 3). [СпГУЛАГ]

5) *КВЧ* – Культурно-воспитательная часть. Ср. *культпросветработа*; *культурно-воспитательная деятельность*; *политвоспитательная работа*. [СпГУЛАГ] (Все эти лексемы в лагерном жаргоне имеют еще дополнительную, всегда негативную, семантику.)

6) ИТР – инженерно-технические работники. Примеч.: Те из *зэков*, которым разрешено работать как ИТР, пользуются рядом преимуществ.

¹⁶ Снегов С. Язык, который ненавидит. – М., 1991.

¹⁷ Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург - Пермь, 1995.

¹⁸ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: В 2 т. – Лондон, 1987; М., 1991.

[СПГУЛАГ] (ЗК или зк – заключенный. О работе ИТР в *шарашке*, или в *шарашкиной конторе*, см., в частности, у А. Солженицына, в его романе *В круге первом*.)

7) *м.о.п.* или *МОП* – младший обслуживающий персонал (подметальщики, уборщицы, сторожа, дневальные и др.; ср. *СФТ*). По правилам на эти работы следует направлять физически неполноценных, но очень часто они попадают к крепким, умеющим устроиться людям. Питание *МОП* – плохое (*гарантийка*). Но все же не на *общих работах*! [СПГУЛАГ] (Не путать с аббревиатурой *МООН* – Министерство Охраны Общественного Порядка. Работников его, кстати, в просторечии называли, по буквенному сокращению названия министерства, *мопсами*. *СФТ* расшифровывается: средний физический труд. Название одной из лагерных категорий трудоспособности – см. *комиссовать* 1-5 – между *ЛФТ*, легким физическим трудом, и *ТФТ*, тяжелым физическим трудом. На практике это часто оказывалось фикцией, – отмечает в своем словаре Ж. Росси.)

Обратим также внимание на то, что от сокращения *ТФТ* в лексиконе заключенных было образовано слово *туфта*, иногда *тухта*, – «липа, обман; очковитительство; работа, сделанная лишь для видимости; заведомо ложные, завышенные показатели в официальном отчете». Отсюда и выражение *знать туфту*. Однако старались *знать туфту*, чтобы окончательно не надорваться, выжить, на самой тяжелой гугаговской работе – на сибирском *лесоповале*. А направляли работать на лесоповал именно тех, кто был обречен лагерным начальством на *ТФТ*. И были это обычно политические: *ВН* (враги народа), *ДВН* (дети врага народа) и прочие *АС* (антисоветские элементы). Новой в этом ряду поэтому представляется аббревиатура *БОМЖ*, как маркер на деле арестованного, а потом заключенного, уже новейшего времени.

Мы привели для иллюстрации на этих страницах только незначительную часть буквенных образований, которыми пестрит вся история не только сталинских лагерей, но, пожалуй, и всей России, после октября 1917 года. Более того, в пример приводились только аббревиатуры, и почти не был на этих страницах затронут обширный слой словообразования на базе этих буквенных сокращений. Не был поднят здесь также вопрос и о *сложносокращенных словах* разного типа (того же авторства, что и печально известные теперь *аббревиатуры*). Не касались мы вопроса также и о словотворчестве на базе этих единиц. А надо сказать, что этим словотворчеством, на разные лады, занимались и начальство лагерей, и охранники, и рецидивисты, и репрессированные. Возможно, поэтому подобных лексем в лагерном языке особенно много.

Аббревиатуры в армейской жизни

Хочется подчеркнуть, что русскоязычные *аббревиатуры* и примыкающие к ним *сложносо-*

чиненные слова, особенно советского и постсоветского периодов, не только представляют интереснейший материал для самостоятельного лингвистического исследования, но и являются сами по себе, как понятийные комплексы, ценными фрагментами русской *картины мира*, во всяком случае – одной из ее обширных, но еще практически не описанных научно, в языковом отношении, сфер. Правда картина эта в историческом развитии России так часто, к сожалению, видится только в перспективе узкого зарешеченного окошка. В результате специфические лексемы *тюремно-лагерного жаргона* представляются порой лишь единицами «общего жаргона», как бы присущего всем носителям современного русского языка самым естественным образом.

Отдельным вопросом в этом контексте представляются также аббревиатурные образования в *армейском лексиконе*, или, как его реже называют, *армейском жаргоне*. Поскольку армейская жизнь в России всегда напоминала и напоминает *лагерную*, причем жизнь *лагеря* *особого* или *строгого режима*, то нет ничего удивительного в том, что и оба жаргона, тюремно-лагерный и армейский, в определенных смыслах чем-то очень похожи. Правда, если посмотреть на этот вопрос с другой стороны, то ничего здесь удивительного нет: во главе подразделений советской армии, так же, как во главе тюрем и лагерей, стояли и стоят высшие военные чины. И подчиняются им чины низшие: и там и там есть офицеры, солдаты, сержанты и вольнонаемные служащие, приравненные к контингенту военных. И там, и там *армейский жаргон*, который отличается от второго, *лагерного*, только узкопрофессиональным уклоном.

Примеры аббревиатур армейского языка находим в многочисленных изданиях словарей-справочников, осуществлявшихся и осуществляющихся в СССР, как уже упоминалось выше, а теперь в России «Воениздатом». Новое словообразование в контексте лексики военной тематики представлено, в частности, в так называемом *афганском лексиконе* (военный жаргон ветеранов афганской войны 1979-1989 годов), на российской странице интернета <http://afgan@pus.org>:

- 1) *эрэсы* или *РС* – реактивные снаряды;
- 2) *энша* или *НШ* – начальник штаба;
- 3) *бэтээр* или *БТР* – бронетранспортер;
- 4) *взлетка* или *ВПП* – взлетно-посадочная полоса;
- 5) *ДШБ* [дэ-шэ-бэ] – 1. десантно-штурмовая бригада; 2. десантно-штурмовой батальон (потенциальные смертники, группа повышенного риска);
- 6) *БШУ* [бэ-шэ-у] – опасная операция, жертвами которой в Афганистане нередко оказывались свои же части; а также другие сложносокращенные лексемы: *дисбат* – дисциплинарный батальон; *сухпак* – сухой пак; *индпакет* – ин-

дивидуальный пакет для оказания первой медицинской помощи в случае ранения.

Следует отметить также некую новую тенденцию, наметившуюся в современном русском языке с приходом на пост бывшего президента России, В. Путина. Это, с одной стороны, множественные новые *аббревиатурного словообразования*, с другой же – поспешная замена старых, примелькавшихся аббревиатур (сталинской и постсталинской эпох на новые) – приблизительно с тем же, или даже с более дифференцированным, содержанием. Примеры такого современного словотворчества можно было найти, в частности, на странице российского Интернета <http://www.zona.com.ru>, очень быстро ставшей, к сожалению, неактуальной. Этот огромный, по представляемому историческому и лингвистическому материалу, и продуманно сделанный гипертекст попросту исчез из виртуального пространства российского Интернета, как бы по мановению чьего-либо указующего перста, что очень, на наш взгляд, досадно.

Наравне с хорошо известным носителям русского языка *СИЗО* (следственный изолятор), появились новые, нередко просто замещающие прежние, старые аббревиации:

1) *УИС* – Уголовно-исполнительная система, функционирующая в рамках Министерства юстиции Российской Федерации с августа 1998 года, является составной частью системы правоохранительных органов страны и представляет собой совокупность учреждения и органов, исполняющих наказания, а также обеспечивающих содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;

2) *ВК* – воспитательная колония;

3) *ИК* – исправительная колония (общего, строго или особого режима);

4) *ЛПУ* – Лечебно-профилактическое учреждение; вместо прежнего *ЛТП* (лечебно-трудовой профилакторий);

5) *УИС* – Уголовно-исполнительная система.

6) *ГУИН* – Главное управление исполнения наказаний, вместо *ГУЛаг*.

Значения последней буквы этой новой аббревиатуры, фигурирующей на данном *сайте*¹⁹, установить, к сожалению не удалось. Так же непонятными остаются – для нас, во всяком случае, – буквенные образования *ВВТК*, колония для подростков (очевидно, по-прежнему та же *воспитательно-трудовая колония*, но который теперь предшествует загадочная буква *В*), *ОБЭ*, *ОСБ УИН*, *НОПЧ* и другие, данные на странице Интернета, посвященной новой российской *тюремно-лагерной зоне*, без расшифровки. Итак, мы имеем дело сегодня с активным созданием новых аббревиатурных образований, а также с заменой, или замещением, старых шифрованных названий новыми, приблизительно с теми

же значениями, но иначе пишущимися и потому звучащими для русского слуха пока незнакомо. Тем самым всем носителям языка понятное и давно освоенное в тоталитарной действительности как бы становится «новым» – непонятным, а потому еще более пугающим и устрашающим.

Это последнее языковое явление (замена «старого» на «новое», аналогичное) в свою очередь ждет своего научного описания и также составляет часть сложной проблемы активного процесса создания русскоязычных аббревиатур. Такие словари, в частности, как «Словарь языка Совдепии» и «Язык тоталитаризма» дают богатый материал для анализа аббревиатурных и сложносочиненных русскоязычных единиц. Практически в этих справочниках представлены все типы сложения корней и частей корней. И на примере этих лексем наглядно видны словообразовательные русскоязычные процессы как таковые.

К вопросу о русскоязычных жаргонах

В этом разделе обобщены выводы работы по указанным направлениям исследований, проводившихся индивидуально и в различном составе, с соавторами (инициативный Научно-исследовательский центр лингвopsихологии NICOMANT²⁰, в 1991-1998 гг.).

I. Составление полной картины мира (объемной и целостной), представленной в *Толковом словаре живого великорусского языка* Вл. Даля. Описана она с помощью 12-ти условных групп и 96-ти тематических словарных фондов (проективных описаний картины мира). Причем современный жаргон любой криминальной (и пограничной) среды составляют лексемы

1) соотносящиеся только с 6 из 12-ти возможных групп человеческого (и традиционного) мироощущения, а также

2) только с 24-мя из 96-ти тематических групп проективного описания модели мира (и то лишь частично).

Наиболее активной лексикой в криминальном жаргоне является относящаяся к следующим тематическим фондам:

1) Еда. Питье. (6 гр.); Огонь. (1 гр.); Тело. Секс. (9 гр.); Одежда. Обувь. (8 гр.) – *удовлетворение естественных потребностей*;

2) Имена (*называние и обзывание; пренебрежительное*). Смех. Драка. Брань. (9 гр.) – *формы защиты, а по сути – агрессии*;

3) Жилище. Вещи. (7 гр.); Ткани. Одежда. Обувь. (8 гр.); Профессии. Орудия. Оружие. (10 гр.); Счет. (3 гр.); Речь (но только *по фене*, или *блатная музыка*). Смерть (а именно: *убийство*). (4 гр.) – *связанное с профессиональной деятельностью (воровством, бандитизмом)*.

II. Анализ лексико-семантического фонда XIX в., в той или иной мере повлиявшего на современное состояние криминального жаргона и

¹⁹ Еще одно новое слово – на этот раз из лексикона информатиков, или компьютерщиков (разг.).

²⁰ См.: <http://nicomant.blogspot.com/>.

пограничной ему общеупотребительной лексики русского языка, а также лексем, ставших жаргонизмами в XX в. как следствие смыслового искажения, смещения или замещения.

Словарь Даля включает в себя

1) *афеню, офеню, офенскую речь* более как профессиональный, или цеховой, жаргон, часто использовавшийся для обмана и надувательства (покупателя, заказчика), а потому пограничный с языком воров, конокрадов, а также с языком деклассированной среды – нищих, бродяг, цыган: *“кантюжный, ламанский, аламанский или галивонский язык*; это частью переиначенные русские слова: *масья*, мать, *мастырить*, делать; или им дано иное значение: *косать*, бить, *костер*, город; или вновь составленные, по русскому складу: *шёрсно*, сукно; *скрыпы*, двери; *пащенок*, дитя; или вовсе вымышленные: *юсы*, деньги; *воксари*, дрова; *Стод*, Бог и пр. Грамматика русская, склад речи также. На этом же языке австрийские (белокриницкие) раскольники переписываются с нашими. Похожий, но менее полный язык есть у кстрмск(их) шерстобитов, у тверских и др. нищих, где нищенство составляет промысел; также у конских барышников, из татарских и немногих цыганских слов; у воров или мазуриков, в столицах (см. *байковый язык*) и пр.” (Даль, 1980-82: I, 30.);

2) *байковый язык* более как профессиональный, но уже собственно *воровской*, а потому крайне табуированный и намеренно малопонятный, жаргон маргинальной среды: “(от *байки*, суконный, картавый? Или от гл. *баить*?) или *музыка*, вымышленный, малословный язык столичных мазуриков, воров и карманников, нечто вроде *афенского*; есть даже несколько слов общих, напр., *лепень*, платок; но б.ч. придуманные свои: *бутырь*, городской; *фараон*, будочник; *стуканцы*, *веснухи*, часы; *скамейка*, лошадь; *ходить по музыке*, говорить *байковым* языком; *подначить*, *захороводить*, подкупить прислугу; *перетырить вещь*, передать наскоро; *стрема*, опасность; *камышевка*, лом; *голуби*, белье на чердаке; *мешок*, скупщик краденого, и пр.” (Там же: I, 38.);

3) *музыку* как специфическое проявление последнего, т.е. как полностью закрытый и непонятный для не своего, не посвященного жаргон деклассированных представителей общества, составивших собственную субкультуру, противоположную и противопоставленную общепринятой: “*музюкать*, вор(онежск.) говорить шепелевато, *зюкать*; тмб. – беседовать, балагурить; ниж-ард. – толковать, обсуживать.” (Там же: II, 358.)

III. Анализ разных по времени бытования групп русскоязычных жаргонизмов, которые можно рассматривать как разные формы *жаргона* (соотносимые, в своем развитии, с пятью ступенями инициации):

1) *офеня* – основой которой является язык так называемых *татарских башкир*, с преобладанием тюркских корней;

2) *байковый язык*, переиначивший бытовую лексику русского языка, близкий *мещанскому*, и *музыка*, или собственно *арго* (однако им не знакомо понятия *блат* и *блатной*), последняя включает непонятные для городской среды диалектные корни, а также лексикон различных поселений, ограниченных чертой оседлости и национальной обособленностью; искажения, типа “неправильного” словообразования, объяснимы, в частности, восприятием говорящего русской речи как *инородной*;

3) *блатная музыка*, или *феня*, как собственно *язык арготического*, т.е. тайное коммуникативное орудие представителей деклассированной среды, обусловленное средствами существования (воровством, разбоем, нищенством), либо искусственной обособленностью (принудительным поселением, работами, поражением в правах) – активно использовалась, в частности, в среде террористических групп, революционеров; появление жаргонизмов, заимствованных из *идиша*, либо образованных от корней *иврита*; так *баить по фене* превращается в *ботать* (*бдая* – ложь, выдумка; *бад*, или *бод*, с оглушением *д – т* – выдумка, вымысел и ткань; ср.: *(за)бодать* и *бодяга* – болтун; а также: *(за)бурить(ся)* от *бур* – невежда; *блат*, *блатной*, *блотяк* от *бло(а)т* – изнаситься, *бло(а)ш* – следить, *б(а)лаш* – сыщик; *блоф* – пускание пыли в глаза, т.е. *блеф*; и т.п.)

4) так называемая “*русская феня*” – значительно дополненный (лексически и семантически), расширенный (сферы употребления, предметные поля, словообразовательные и фразеологические возможности), а также “продвинутый” (семантические смещения, замещения, искажения; переосмысления и новые ассоциации) фонд профессионального *воровского языка*, или *блатной музыки*; “обогащен” языковыми неологизмами и речевыми *официальными штампами* из практики сталинских репрессий (судопроизводства НКВД) и лагерной жизни; внедрение в жаргон корневых основ из языков “многонациональных народов” СССР;

5) современная *феня* – как нарочито раскованная, а потому упрощенно жаргонизированная форма разговорной речи (независимо от среды употребления – при тенденции их взаимопроникновения, слияния и даже подчинения среде *криминальной*); активное заимствование из *иностранных языков*, как правило, с искажением фонетическим, семантическим, а также с изменением сферы употребления.

Как видим, *феня* не является однородной массой уголовного жаргона, а четко расслаивается – по времени использования, принципу организации и интенции употребления – на три пласта, а точнее сказать на *три разных “фени”* – на *блатную*, или язык *воровской среды* (I), на *лагерную*, или язык специфической субкультуры тех, кто *поражен в правах* (II), и на *советскую*, или язык *криминогенной* и *маргинальных сред*,

уже как проекция *массового уголовного сознания* (III); последняя при этом подразделяется на два подтипа криминального *арго* – на *партийно-административный жаргон*, или *номенклатурная феня* (III-а), и на *общеупотребительный жаргон*, или *разговорная феня* (III-б).

IV. Анализ сред, благоприятных для бытования и развития жаргона, а также для создания, в силу каких-либо обстоятельств, специфической, асоциальной и деструктивной, субкультуры.

Криминальными и криминогенными (пограничными) средами, для которых собственный “закрытый”, или тайный, язык необходим как средство личной и коллективной безопасности, в условиях России до 1917 года являлись следующие:

1) среды, или исторически сложившиеся “цехи” – *производственные* и *торговые*, где в силу профессиональной замкнутости и обособленности, а также общности целей – получить как можно более высокую выгоду (от продажи или перекупки-перепродажи), появляются условия, возможность и кастовая необходимость в *обмане* и *обворовывании* заказчиков, клиентов, покупателей; из этих сред составилась постепенно некий круг промышляющих *мошенничеством*, т.е. весьма отличный от круга промышляющих *грабительством*, однако близкий живущим за счет *воровства*;

2) маргинальные среды, искусственно социально обесцененные и отгороженные, т.е. деклассированные, напр., деревенское и заводское население (сначала *крепостные*, или *беглые*, а затем *нищенствующие* и *бродяжничающие*, с *не выправленными бумагами*) или принудительно обязанные жить *в черте оседлости*, либо в *монастырях*, а потому, за их пределы, люди *беспаспортные* и полностью *бесправные*, находящиеся вне закона и потому не имеющие никаких иных средств для существования, кроме *попрошайничества* и(ли) *грабежа*; их сред этих нередко пополнялись *воровские шайки* и *бандитские группы*, демонстративная асоциальность и агрессивность последних нередко оказывались благодатной почвой для революционных идей (мир разрушим; кто был ничем, тот станет всем);

3) среда *беднейших* и *бесправных слоев населения*, в силу крайнего недовольства своим положением склонным принять революционные идеи, участвовать в политических аферах и спекуляциях, а также склонный к приступам агрессии, немотивированной деструкции, направленной на общественную формацию в целом и на отдельных индивидов, имеющих какое-либо материальное или социальное преимущество (это есть наш последний и решительный бой; грабь награбленное); “борьба с социальной несправедливостью” принимает асоциальный (криминальный) характер, – следуя уголовной психологии представителей деклассированных сред,

куда примыкают и собственно *уголовные элементы*.

Криминальными и криминогенными (пограничными) средами, использующими тайный жаргон (*арго* или его элементы) для личной, либо коллективной, выгоды и безопасности, в условиях республик бывшего СССР и современной России являются следующие:

1) собственно *уголовная среда*, или так называемые *деклассированные элементы* (воры, грабители, убийцы, проститутки любого пола) пограничная среде условно “не криминальной”, – как паразитирующая на второй, живущая за ее счет, конфликтующая с ней и сотрудничающая (в той или иной форме и степени); *феня* здесь используется для обеспечения замкнутой клановости, надежности подзаконных сделок, а также для манипуляции внутри преступной группы (унижения, угрозы, иерархическая зависимость, внушение страха и послушания);

к ней, как пограничная, примыкает *среда работников сферы обслуживания* (торговли, общественного питания – в первую очередь, а также коммунального хозяйства, строительства и автосервиса) как дающая не ограниченные – т.е. не контролируемые – возможности легкой наживы (при помощи воровства и мошенничества), получения взяток, припрятывания *дефицита* (вещей и продуктов), перепродажи и спекуляции и т.п.; сюда же следует отнести работников любых сфер, в той или иной мере обслуживающих *номенклатуру* и живущих от ее щедрот, излишков; эта среда преобразовалась затем в криминально-мафиозную структуру *дикого рынка* и *черного бизнеса* (круг предпринимателей, работодателей и челноков, *новых русских*, *крупных бизнесменов* и т.п.);

2) пограничная деклассированной среде *беднейшая часть населения*, т.е. та часть, в основном, мало образованных и склонных к спонтанной агрессивной реакции рабочих и крестьян, в которой не было пассивного законопослушания, а недовольство настоящим своим положением порождало асоциальные проявления – поступки и модели поведения в целом (пьянство, дебоши, драки, поножовщину, грязную брань (*мат*), воровство, беспорядочные сексуальные отношения);

в частности, ее пополняют граждане страны, возвращающиеся к “нормальной жизни” после *отсидки* (в тюрьмах и лагерях, а потому естественно использовавшие в речи *лагерный жаргон*), т.е. неполноправные – как следствие *поражения в правах*, отсутствия *прописки*, возможности *работать по специальности* – члены общества; при Сталине таковыми оказывались и работники *колхозов*, не имевшие ни заработка (вместо которого *засчитывались трудовни*), ни паспорта;

3) криминогенная среда предоставленных самим себе детей и подростков (это – так называемые *дети улиц* и *подворотен*, в основном –

дети первых двух категорий; причем не обязательно – *беспризорные* или *детдомовские*, т.е. социально обездоленные вследствие революции, гражданской войны, голода и массовых репрессий); из нее, прежде всего, пополнялись ряды “*шестерок*” уголовного мира, а потом – его *профессионалов* (*карманников, белочников, домушников, медвежатников, мокрушников* и т.п.) и *авторитетов* (*паханов, воров в законе, блатных, тузов*);

позитивной программой, трудно достижимой и потому притягательной для этой категории, всегда являлось *получение теплого* (и *хлебного*) *местечка* – в сфере обслуживания, либо при номенклатуре и правовых структурах, т.е. там, где действовал *распределитель*, раздавались *спецпайки*, можно было себя почувствовать *королем* – находясь *при кормушке* (*шефа, начальника, доброго дяди*), а потому пользуясь отчасти чужими *благами, не доступными для простого смертного* (уголовный принцип перераспределения благ как установление относительной справедливости, что созвучно революционному лозунгу: *грабь награбленное!*);

4) кастово ограниченная – и близкая элитарной – среда работников правоохранительных органов (милиции, прокуратуры, органов государственной безопасности, тюрем, исправительно-трудовых лагерей, любых видов охраны – *совоков, барбосов, батей, красноперых, падлы, пасечников, хомяков, а также делегатов, гнили*), непосредственно соприкасающихся с уголовными элементами и представителями деклассированной среды (в том числе, по политическим причинам, т.е. по 58-й ст. УК), а потому – машинально, нарочито или с определенными целями – *перенимающих коммуникативные формы этой среды* (и ее психологию);

характерно также и то, что, с одной стороны, эти органы всегда пополнялись представителями данных маргинальных субкультур, с другой же – из *органов* в условиях тоталитаризма легко было пересечь сначала на скамью подсудимых, а потом за решетку;

5) среда номенклатуры, снизу доверху, партийно-административная элита унитарного государства, куда попадали, прежде всего, люди мало образованные, а потому чванливые (новым своим состоянием и положением по отношению к остальным – низшим, подчиненным, зависимым) и, в силу отсутствия истинной культуры, создававшие и диктовавшие на свой лад некую суррогатную – свою, *аппаратную* и *партийную*, – субкультуру;

они, с одной стороны, привносили в эту среду уголовную психологию и криминальный жаргон, с другой же – его охотно принимали в этой структуре управления люди более образованные и культурные, но не уверенные в прочности своего положения и личной своей безопасности, а потому *стремившиеся всемерно ассимилироваться* и “*слиться с массами*”; в то же время она

активно навязывалась “сверху” подчиненным исполнителям самими *функционерами*;

6) среда так называемой *золотой молодежи* – в первую очередь, детей партийных функционеров, различных работников номенклатуры (и правоохранительных органов), воспитывающихся в атмосфере *вседозволенности* и *безнаказанности*, а потому становящимися непосредственными носителями уголовной психологии (своейственной их элитарно-кастовой субкультуре);

к ним же, следуя их образцами (речевым, коммуникативно-поведенческим), стремится приблизиться молодежная, студенческая и творческая, элита – как столичная, так и провинциальная; в этой маргинальной среде уголовный жаргон считается своеобразным *шиком* и *высшим классом* (вследствие чего он активно проникает и на страницы русскоязычной художественной литературы, куда уголовная психология криминальных отношений, как правило, проецируется без особого анализа и без критического отношения к воссоздаваемому материалу, нередко приобретая при этом *видимость коммуникативной нормы*);

7) специфическая *субкультура советской школы*, которую составляют учащиеся (привносящие в ученическую среду криминальный жаргон и тип межличностных отношений, являющихся проекцией уголовной психологии), учителя (принимающие навязываемые им учениками коммуникативные формы и нередко активно их использующие – как средства сближения с учениками, установления взаимопонимания, манипулирования детским коллективом); если раньше *школьный жаргон* включал лишь отдельные *аргоизмы*, то в последнее десятилетие он окончательно *ассимилировался с уголовным*;

все чаще уголовное сознание школьника формируется непосредственно в семье, либо там приживаются формы коммуникативных (иерархических) отношений, свойственных криминальной группе, и соответственно – жаргон, отражающий и выражающий эти отношения.

V. Анализ лексических фондов разных типов жаргонов (и прежде всего - трех типов *фени*) и сходной по смыслу общеупотребительной, а также диалектной лексики русского языка – по материалам толкового словаря Вл. Даля. Такое сопоставление позволило сделать весьма интересные и неожиданные выводы, а именно:

1) *офенский*, а затем *байковый языки*, а также *музыка* (очевидно, как переходная форма к более развитому и уже многофункциональному *воровскому жаргону*), преследовали только цель *отгородиться от посторонних* – людей не своей профессии, не своего круга или компании, не своей национальности (как в случае с *башкирскими татарами*), но, к примеру, не от конкурентов, соперников, занятых таким же промыслом (*коробейничаньем, лотошничеством*, т.е. торговлей в разнос, *барышничеством*, коно-

крадством, ремесленничеством или, допустим, рыбным промыслом, так же имевшим свой специфический жаргон); здесь принципиальное значение имело – *свой ты или не свой, разумеешь по-нашему* или нет, *умеешь ли говорить так, как мы* (традиционная модель сакрализации коллективного знания и проверок пришлого на *ложность / истинность*, т.е. на *осведомленность, умелость и изворотливость*);

эти “тайные” языки составляют лексемы, нейтральные по своей окраски – только *называющие* действия, предметы и свойства – как объекты действия, и лишь иногда – лица, так же более как объекты действия, чем как его субъекты; лексика, выражающая действия группы “драка”, а также составляющая группу “брань”, носит *демонстративно-преувеличенный и шутиливо-пренебрежительный характер*; очевидно в этом контексте носителями жаргонов активно использовались общеупотребительные лексемы этих двух, весьма объемных в словаре Даля, групп, – лексемы *традиционно-фольклорного характера* (соотнесенные с мужской инициацией и ее этапами, эротикой, ярмарочным мерянием в силе и ловкости, смеховой культурой), когда демонстративная агрессивность не является в действительности таковой, а есть лишь предупреждение: *меня не трожь, ко мне не подходи – а то как дам, тогда у меня получишь*;

2) *блатная музыка* начала 20 в. (назовем ее собственно *воровская, блатная феня*, или *блатной жаргон*), равно как – отчасти – и первоначальная *музыка*, ей предшествовавшая и ее породившая – как специфическая часть *городского (мещанского) жаргона* (лакейского, приказнического, купеческого – в немалой части своей *мошеннических*, по цели использования, а также собственно *воровского*), – суть детально разработанный профессиональный инструмент преступного мира; здесь *дифференцированно называются* как объекты, так и субъекты преступных действий (мошенничества – напр., картежного, воровства, грабежа, убийства), сами преступные действия и детали их исполнения (формы, орудия, а также предметы-объекты);

однако этот язык составляют лексемы ярко выраженного *оценочного характера* (здесь значимо деление на *плохое и хорошее, нужное и ненужное, бросовое, полезное и бесполезное*, и даже на *красивое и некрасивое*, а потому *неприятное* говорящему), в то же время – эта лексика носит *объективно-оценочный характер* и лишена внешней *агрессивности* и какой-либо активной, значимой для говорящего окраски: она свидетельствует об избиении, убийстве, драке как о само собой разумеющихся фактах преступного быта – *отстраненно-безэмоционально*, возможно, *насмешливо-иронически* либо *хвастливо-преувеличенно*; в этом и состоял традиционнo своеобразный *воровской шик*: всегда и во всем быть невозмутимым, сдержанным и, на свой лад, корректным, в т.ч. – в языке (та-

кой *поведенческий и речевой идеал-шаблон* насаждали, в частности, одесская и столичные криминальные субкультуры);

мотивация жаргона значительно изменяется: он не только отделяет *своих* от *чужаков*, но также позволяет говорящему выставляться и рисоваться перед другими – своим превосходством, опытом (*блатным*), и это превосходство должно, с точки зрения *ботающего по фене*, вызывать *зависть, восхищение* и даже *страх* у окружающих (*фраеров*, т.е. не своих, и *лохов*, своих, но ниже стоящих в преступной иерархии, которая теперь весьма развита и значима в среде *бандитов*, а также в среде деклассированных *революционных элементов*); так, *плевать картошки* будет – бросать бомбы; *пле(у)товать* – бежать из ссылки, но также – избивать и удирать (ср.: *купить плеть* – бежать из заключения, а *плешишь* – сбивать с толку); *обратник* – беглый их ссылки и каторги; *взять на аннушку, на прихват, на храпок, на пушку, на якорь* и проч. – популярные выражения времен гражданской войны;

3) *лагерная феня* сталинского и постсталинского периодов как *тюремно-лагерный (блатной) жаргон*, равно употребляемый *заключенными* (зэками, в т.ч. и *бывшими*), *лагерной охраной* и *администрацией*, а также на всех уровнях института советского права; ее отличает, прежде всего, переориентация интенционально нейтральных слов *блатной фени* в негативно – контрастно – окрашенные, эмоционально огрубленные, вульгарные, садистские, с ярко выраженной тенденцией унижить, поставить на место, морально уничтожить, с угрозой искалечить и уничтожить физически, а также с явной тенденцией (с)манипулировать собеседником и окружающими;

так, напр., *зверь*, первоначально “жертва не русской национальности”, превратился в “азиата, кавказца” (т.е. в “не человека”), в “наильника” (сексуального, или маньяка, убийцу), в “сбытика наркотиков” и в “начальника”; *звонарь*, “лжец и хвастун”, – в ненавидимого и презираемого “стукача, доносчика; провокатора”; *замочить*, “продать”, – в “убить” или “предать, по доносу”; *купить*, “украсть”; задержать; выпытывать секрет; совершать легкую кражу” – в “обмануть, войдя в доверие; спровоцировать (, чтобы потом донести); выведать, выпытать” и проч.; особенно резко меняется окраска лексем, называющих субъектов насилия (особенно разных национальностей, а также женщин и гомосексуалистов), их качества и агрессивные действия по отношению к ним;

4) *советская феня* как *партийно-административный жаргон* (или *номенклатурная феня*), естественно образовавшийся из агрессивного *революционно-уголовного лексикона* поры становления “рабоче-крестьянской”, а затем “советской” власти – т.е. диктатуры коммунистической партии;

та часть лексики советского *административно-лагерного жаргона* (и даже *административно-партийного лагерного жаргона*), как точнее будет его назвать, которая, в отличие от остальной, сравнительно нейтральной (в окраске своей и интенции – каковыми являются, напр., глаголы, выражающие отношение, а чаще равнодушие, к краденому имуществу, еде, выпивке и даже приему наркотиков), составляет обширный и весьма активный в разговорной речи фонд *садического языка* (термин А. Chervinsky, 1994) тоталитарного государства, отличается, прежде всего, деструктивностью (в одних случаях - направленной и конкретно уничтожающей, унижающей, уничтожающей, в других - ненаправленной абстрактной, а потому всеобъемлющей и бесконтрольной);

для него актуальны такие оппозиции, как *шеф* и *мальчик на побегушках*, *дока* и *шланг*, *пахан* и *васёк*, *дед* и *салага*, *заказчик* и *чукча*, *настоящий мужик* и *сука* (*баба*, *подстилка*, *кошёлка*), *бугор* и *жид* (*вонючий*, *пархатый*, *жидкий на расправу*) – во всех оттенках расизма, антисемитизма и других форм дискриминации (национального или сексуального меньшинства, интеллигенции, верующих, женщин и детей, как более слабых, зависимых, а потому презираемых);

5) *советская феня* как *криминальный жаргон*, *активно внедренный в общеупотребительную лексику* (или *разговорная феня*);

оно, это насилие сверху, будучи *подавлением* другой личности (личностей), всегда является доказательством собственной правоты и власти, с одной стороны (диктующей условия игры), и вины, зависимости – с другой (эти условия игры принимающей), а потому всегда является *наставлением* для собеседника и одновременно его *унижением*);

специфика этого лексикона, его семантические смещения и окраска, непонятные или означающие нечто неизвестное собеседнику – особенно носителю любой иной, не тоталитарной, культуры – речевые штампы, словоупотребление, интенции и коммуникативные отношения, эвфемизмы, весьма осложняют сегодня межличностные, и даже международные, контакты.

VI. Анализ той значительной части *фени* – а именно: *фени лагерной* и *фени советской*, – которая носит специфический *садический характер*, содержит в себе заряд слабо мотивированных *агрессии*, (*само*) *деструкции* и *негативизма*.

Специфика уголовного жаргона и его проникновение в другие речевые сферы

Садический язык составляет значительную часть современного уголовного и административного жаргонов, и заимствован он, прежде всего, из *зоны заключения*. Под *зоной* подразумеваются *тюрьмы* и *лагеря*, места принудительного ограничения свободы индивидов, а по-

тому обесценивания человеческой личности как таковой. Это жаргон *заключенных* (*зэков*) и *вохров* (всех видов *начальников*), т.е. язык унижения, приспособления (с одной стороны), уничтожения, подчинения (с другой); однако и в ту и в другую группу могут входить – избирательно – как первые, так и вторые.

Под *зоной* также – и это зафиксировано в самом жаргоне – подразумевается также и вся *Страна Советов*, отделяемая от мира – в той или иной мере, на разных этапах ее существования – *железным занавесом*. Но он, этот специфический язык манипуляций и подавления, заимствован также из *среды советских номенклатурных работников* (где основой всех отношений является принцип «дам – не дам» и где, вследствие самих этих отношений, вербализованных в специфическом *административном* и *партийном жаргоне*, все подчинено моделям уголовной психологии).

Потому этот специальный язык только называет явления, предметы, субъекты, но имя это не выражает сущности объекта. Немалую часть лексического состава *садического языка* тоталитарного государства составляют уничтожающая брань, оскорбительные, пренебрежительные прозвища и определения объекта речи – в процессе диалога либо говорения о третьем лице. Если сам по себе садический язык не жесток, то основная функция его – как контекстуальное и коммуникативное речевое проявление – это *насилие*, всегда направленное сверху вниз.

Носитель *садического языка* перекраивает окружающий мир по своему образцу (свойственному его собственному садистскому пониманию и мироощущению власть имущего). Поэтому сам садический язык не способствует – и не может, вследствие своей специфики, ни в коей мере способствовать – принятию этого, всегда конфликтного, мира конфронтации и взаимного неприятия.

На протяжении десятилетий Россия, отрезанная от цивилизованного и демократического мира "железным занавесом", создавала в условиях всеобщего бесправия и государственного террора свою специфическую маргинальную субкультуру, оправдывающую (равно как и обусловливающую) отношения "насилие" (со стороны государства и стражей его устоев) – "жертвы насилия" (как нравственного, так и физического). Одним из результатов этого длительного ассимилятивного процесса и стал своеобразный язык общения и взаимного подчинения, некий *тоталитарно-административный жаргон*, проникающий во все сферы взаимоотношений (деловых, межличностных и даже интимных). И разлагающий эти отношения изнутри – постепенно подчиняя себе все и вся, и прежде всего – русскоязычное просторечие.

Базируется этот табуированный язык на актуализированном (благодаря развитию системы ГУЛАГа) воровском *арго*, превращаясь, с одной

стороны, в то, что мы называем сегодня *тюремно-лагерным (блатным) жаргоном*, а с другой, в *партийно-административный лексикон*. Это – тот же – и даже один и тот же – *жаргон*, официально *сухой* – в обращении к посторонним и к подчиненным, и одновременно, среди *своих людей*, – *забористый* и даже *заборный*, нередко *“многоэтажный”*, т.е. активно включающий в себя словообразования и конструкции *“матом”* или *“по фене”*.

Оба эти лексические фонда легко совмещаются, образуя при взаимном проникновении и смешении специфическую коммуникативную форму отношений *“начальничков”* и *“зеков”* (заключенных), *“хозяев”* и *“шестёрок”*, *“блатовиков”* (они же в криминальной среде *воры в законе*) и *“вонючих козлов”* (всех тех, кого первые, оказавшиеся в силу обстоятельств над ними, *дрючат, опускают, макают, достают*, а также заставляют на себя, или за себя, *ишачить*, что и выражают приниженной, или так называемой *опущенной*, стороне *открытым текстом*, т.е. во всем разнообразии и псевдообразности конструктивного – уголовного – *мата*).

Деструктивность этой лексики проявляется как в *бессмысленности* названия (и *обзывания, клеймения* – отдельных личностей и групп, чувств, действий, предметов, свойств и умений индивида), а также интенций (*приказов, желаний, идеалов, мечтаний, отраженных лексемами*), так и в *агрессии*, эмоциональной окраске высказываний, скрытой и явной угрозе (собеседнику или третьему лицу), *негативности* мироощущения.

Для тоталитарного государства характерно использование тех же лексем (садического языка) в речи номенклатурных работников и представителей права – исключительно для обозначения лиц подчиненных, зависимых (воспринимаемых обычно как жертва – избитая, убитая, абортированная и(ли) проститутка), выражения приказа, распоряжения, которому обязаны безусловно подчиняться (широко используется набор глаголов, выражающих совершение акта полового насилия) и т.п.

Те же особенности словоупотребления, первоначально свойственные только *тюремно-лагерному жаргону* – в контексте зафиксированной им уголовной специфики межличностных отношений, – мы все чаще встречаем у преподавателей школ (особенно в последние десятилетия), в студенческой среде, в речи людей с высшим образованием (врачей, журналистов, предпринимателей, деятелей искусства, политиков, офицерского состава).

Потому садический язык и должно рассматривать как слияние и взаимодействие значительных частей *тюремно-лагерного* и *административно-партийного жаргонов* в специфическом лексиконе, объединенном общей интенцией – ограничения свободы и подавления личности в условиях советского тоталитаризма. В то

же время, он является лишь активной частью лексического фонда *советской фени* – прежде всего, *номенклатурной фени* и уж потом *разговорной фени*.

Заимствованный из лексики *лагерной фени*, в которой он составляет весьма значительный процент, этот язык насилия постепенно становится в русскоязычной среде эквивалентом и потому манифестацией мужественности, силы и власти, права и личностной значительности. Использование его очень часто – если не всегда – имеет еще и другую интенцию: обезопасить себя от возможного, и вполне вероятного, насилия со стороны кого-то другого и даже всех окружающих сразу путем создания вокруг себя мифа о собственной силе, защищенности (*крутой, бугор, имеет волосатую руку*, т.е. поддержку в определенных кругах, с которыми не стоит тягаться и меряться силой – в партийных, криминальных, правовых, напр.), опытности в подзаконной деятельности (напр., отношение к *рэкету, наркобизнесу, фашистской группировке*), некой собственной “непредсказуемости” и “опасности” для других (*псих(опат), бешеный, горлом берет, прирежет – если что*).

Эта функция *пугания*, еще не оформившаяся как таковая на уровне *блатной фени* начала века, но ставшая основой иерархической системы *фени лагерной* и *номенклатурной*, а теперь органически вписавшаяся в многофункциональную структуру *разговорной фени* – языка межпартийного, языка новых поколений и “темного бизнеса”, представляет немалый интерес для изучения и анализа. К сожалению, этот специфический язык стал сегодня едва ли не основным, а для маргинальных структур и единственным, коммуникативным средством – в общении, самовыражении и деловых контактах.

Нормативность и ненормативность языковых единиц

Так, на первый взгляд, казалось бы, что основным параметром отказа от включения в нормативные словари русского языка той или иной лексики должно быть несоответствие данной языковой единицы литературным нормам, т.е. признанным и описанным *академической грамматикой* нормам русского литературного языка. И действительно, значительная часть лексики, появляющейся сейчас в современных лингвистических словарях ранее не включалась в подобные издания именно по этому признаку.

Среди таких языковых единиц, описываемых сегодня нами в словарных изданиях как *новая лексика* оказываются, в частности, и стилистически сниженные единицы русского языка: разговорные и просторечные формы слов (а), и жаргонизмы (б), и вульгаризмы (в), нормами литературного языка еще недавно категорически отвергавшиеся.

Приведем примеры такой *новой словарной лексики*, отобрав для этого в первую очередь глагольные формы, где это было возможным. Не

всегда возможным же это оказывается постольку, поскольку разные словари представляют лексемы, не только различные по тематике и словообразованию, но также и преимущественно те или иные части речи.

а) разговорные и просторечные формы слов:

1) *всыпаться, грызться, жить-поживать, жульнически, жуликоватый* [НСРЯ];

2) *раскорячить* и *раскорячиться*, *сплавить* и *сплавлять* (о товаре); *сплоховать* [ТСРЯ];

3) *голоснуть, зажать* и *зажимать* (кого или критику), *законтрактовать* [ТСЯС];

4) *слямзить, обещаться, обжиматься, обжираться* [БТСРЯ];

5) *спонсировать, приостанавливать, приторговывать, прокормить, зацикливаться, затариваться* [ТСРЯ-XX];

б) жаргонизмы:

1) *ухлопать* (в значении *убить*), *сдернуть, шалман, шваркнуть, шпана* [НСРЯ];

2) *обрез, обуть* (3), *губа*³, *видик* (о видеомагнитофоне), *доходяга, загнуть* [ТСРЯ];

3) *Вова,дохлый Вова, Вовчик* (о мумии В. Ленина в Мавзолее), *болтушка* (женское к *болтун*, лагерное), *казёнка* (о школе), *чернобровый* (о Л. Брежнев), *папа Карло* (о К. Марксе) [ТСЯС];

4) *дошурупить, драный*², *дрючить, дурь, жакан, железка*¹ (2 зн.) [БТСРЯ];

5) *балдеть, коробейничать, расколоть* (кого), *взламывать* (о система компьютерной защиты), *тусоваться, прокрутить* и *прокручивать* (деньги) [ТСРЯ-XX];

в) вульгаризмы:

1) *пащенок, сволочь и сволота, шелопут, шельма и шельмовка, шлюха, хрен, хреновый* [НСРЯ];

2) *обормот* и *обормотка, обрубок* (об изуродованном, лишенном подвижности человеке), *очкарик* (об интеллигенте), *голубой, говно* [ТСРЯ];

3) *членовоз* (в первую очередь об автомобилях, в которых возят *членов Политбюро КПСС*), *кибальчиш* (о бабнике), *сопля* и *сопля чекистская* (о доносчике, в лагере) [ТСЯС];

4) *говнистый, говно, говнодавы, блядь, блядский, блядство* [БТСРЯ];

5) *намыливаться, бомжировать* и *бомжевать, затрахать* и *затрахаться* [ТСРЯ-XX].

Нечеткая грань между вульгаризмами и просторечием, а также проникновение жаргонизмов и в просторечие и в разговорную речь²¹ приводят к тому, что составители словарей русского языка по-разному соотносят ту или иную

лексеми со сниженными речевыми стилями. Для словаря Т. Ефремовой [НСРЯ], в частности, эта проблема вообще не актуальна, поскольку практически не учтена системой стилистических помет. А, допустим, авторы *комплексного словаря* [КСРЯ²²] старались, по возможности, избегать включения стилистически сниженных лексем в свое издание, претендующее на *нормативное*. В словарях же, напр., Д. Квеселевича [ТСНЛРЯ] и Т. Никитиной [ТСМС] такая лексика, напротив, преобладает и составляет большую часть собранного и отобранного составителями для данных изданий фонда слов современного русского языка.

Однако, несмотря на очевидную многочисленность лексем, еще недавно находившихся за пределами словарной и литературной нормы, а теперь широко – и подчас, к сожалению, некритично – включаемых в современные справочные издания, они в общем фонде так называемой *новой лексики* занимают меньше места, чем, напр., лексика, подвергавшаяся раньше идеологической цензуре разного типа. Как показывает анализ словарей последнего десятилетия, эти языковые единицы, объективно существующие в языке, но при этом тщательно вычеркиваемые из печатных текстов пером цензора, мощным потоком хлынули на страницы словарей русского языка. Приведем примеры *новой лексики* этого типа:

1) *инакомыслящий, инакомыслящая, инакомыслие; репрессия, репрессировать, репрессированный; лагерник, лагерница, лагерный; оболванивать* [НСРЯ];

2) *иеромонах; кошерный; кошт; лакцы и лаки; мат*⁵ и *матерный, матерщина; новомученик, новопредставленный; ниспослать; пересылка и пересыльный* (о тюрьме и этапе) [ТСРЯ];

3) *единоличник; единобожие; ждановщина; жидомасон и жидомассонский; жмурик; загранпоездка; зона и зоновский; зэк, зэка и зэчка* [ТСЯС];

4) *матюги; маца; месяцеслов; ничегонеделание; новокрещенец; перекаптоваться; отовариться; поезжанин; подчалок; подчистка* [БТСРЯ];

5) *водоосвящение, военно-гэбистский, возвращенец и возвращенка, гэбист и гебист, гэкачепист и гэкачепистский, деидеологизированный, католикос, квазиперестройка, КГБшвей, кивала, клубничка, колядование, комковый* (от *ком*ок, комиссионный магазин), *коммунистическо-фашистский, контркультура, лесбиянство* [ТСРЯ-XX].

Третьим видом лексических нововведений, существенно изменивших за последние годы характер издаваемых в России словарей русского языка, стал мощный поток *иноязычных заим-*

²¹ В традиции русского языкознания, в отличие от польского, как известно, различаются стили *разговорный* и *просторечный*. Также и стиль *вульгарный* охватывает гораздо больший круг лексики, чем принято считать, к примеру, в среде полонистов. При этом русскоязычная вульгарная лексика весьма дифференцирована по происхождению, бытованию и окраске.

²² Комплексный словарь русского языка / Тихонов А. Н. и др. / Под ред. А. Н. Тихонова. – М., 2001.

ствований, активно и сразу включившийся в русскоязычный словообразовательный процесс. Приведем примеры такой заимствованной лексики, оказавшейся к тому же в словообразовательных отношениях для русского языка весьма продуктивной:

1) *Инаугурация; мобильность, мобильный; инвазия, инвазионность, инвазионный; индикт*, [НСРЯ];

2) *ваучер, ваучерный; круассан; крекер; кардиган; каратэ; маракуйя; караоке* [ТСРЯ];

3) *евангелизация и евангелист; евровалюта; европарламент; еврочек; катридж; квази-деньги* [ТСЯС];

4) *меркантилист, мизогинизм, мимезис и мимесис, минералотерапия, муниципализировать, НЛО, нищеанство, нищеанин, нитратомер* [БТСРЯ];

5) *дансинг, дампинг, дебюракратизация, девальвировать, деимпериализация, дисплей, долларизация, киднеппинг, кичмен, клиринг, инвектива и инвективный, инвестор и инвеститор* [ТСРЯ-XX].

Словообразовательные возможности, как показывает анализ современных справочно-лингвистических изданий, вообще оказались свойственны *новой лексике* как таковой. И такая тенденция как производство новых слов в современном русском языке, на наш взгляд, склонна сегодня все к большему развитию и расширению (4). Примером этому явлению могут служить следующие *лексемы-производные*:

1) *беженец, беженка --> беженский, беженство; безвременный --> безвременье; выдвигать* (кандидатуру, например) --> *выдвигаться, выдвигание*; а также *вседозволенность, всеевропейский* [НСРЯ];

2) *иждивение --> иждивенец, иждивенка, иждивенческий, иждивенчески; извращённый --> извращение, извращенец, извращенка, извращённость, извращённо* [СТСРЯ];

3) *бюрократизм --> забюрократизованность, забюрократизованный, забюрократизировать, забюрократизироваться; идеология --> заидеологизировать, заидеологизированность, заидеологизированный; а также ельцинист, жёлтопрессник, жириновец, забугорный* [ТСЯС];

4) *штопать --> подштопать, подштопаться, подштопываться, подштопывание; тираж --> растиражирование, растиражировать, растиражироваться; растопить --> растопка, растопочный; а также подпрограмма; посмеяние и посмешище, растеряха, елдык --> подъелдыкнуть, --> подъедание* [БТСРЯ];

5) *диссидент --> диссидентка, диссидентский, диссидентство, диссидентствовать*;

перестройка --> доперестроечный; а также доприватизационный, дотироваться, дээсовец (член партии ДС, Демократический союз), *инвалидизация и инвалидизироваться, иномарка, инофирма* [ТСРЯ-XX].

Такой же анализ, например, *комплексного словаря* А. Тихонова показал, что это издание практически новой лексики не включает, либо включает – и то крайне редко – лексемы, в ряде словарей не фиксировавшиеся:

а) *колготки, лагерный* (режим) [КСРЯ];

б) *кед, ксерокопировать* [КСРЯ];

в) типа *басня --> басенный и баснописец; бесправный --> бесправность, бесправие*; а также *кассовый, качественный, кашлянуть, кисленький* (с включением дериваций, которые входят далеко не во все словари) [КСРЯ].

В то же время составители данного словаря ставят перед собой совсем иные цели, о чем и свидетельствует само название нового издания: комплексный, тяготеющий к словарям универсального типа, а потому формирующийся на базе толковых и грамматических словарей. Объясняется это тем, что изучающему русский язык удобнее и проще обращаться за справками к одному и тому же словарному источнику, чем искать ответы на свои вопросы в разных лингвистических книгах.

Поэтому данное издание содержит в первую очередь материал *дидактический* – с точки зрения самих авторов словаря, "необходимый и вполне достаточный чтобы довести работу над словом до правильного употребления его в русской устной и письменной речи". [КСРЯ, 2001: III.]

Итак, названный словарь *толковым* является только постольку, поскольку авторы его считают необходимым дать потенциальному пользователю самые необходимые и, пожалуй, минимальные сведения о семантике каждой из включенных в дидактический материал лексем. Довольно избирательно и скупое, по той же причине, представлены здесь и словообразовательные возможности отдельных слов. Зато грамматическое описание каждой единицы отличается полнотой и обстоятельностью. А именно этого требуют учебные цели такого нормативного лингвистического справочника, рассчитанного на повышение общей культуры речи носителей русского языка. Как мы видим, далеко не все новейшие издания стремятся отражать на своих страницах новую лексику и современные языковые тенденции. Продолжают выходить в свет и такие словари, как [КСРЯ], в той или иной форме, а также с той или иной целью дать образцы *нормы языка литературного*.

© Надель-Червиньска М., 2008